

**МОТИВ ПЛАВАНИЯ – ПОЛЕТА В ПОЭЗИИ А.С.
ПУШКИНА**

Благодаря и вопреки биографическим обстоятельствам в поэзии Пушкина образовался мотивный комплекс морского странствия, особым коррелятом к которому выступает мотив полета. В пушкинских текстах на контрасте с его положением ссыльного появляется страстное желание путешествовать, в биографическом ракурсе получившее вариант планировавшегося побега за границу, а в художественных текстах воплотившееся мотивами байронического побега и Овидиева изгнания [Кибальник, 1991: 33-50], наложенными друг на друга.

Развитие указанного мотива мы можем наблюдать в стихотворении «Осень», где он приобретает вариант путешествия по стихии творчества. Именно господство темы творчества отмечают пушкинисты в этом тексте [Измайлов, 1974: 232; Лотман, 1994: 395-396; Чумаков, 1999: 341; Непомнящий, 1983: 333]. Творческая тематическая доминанта окаймляет текст с одной стороны эпитафией из стихотворения Державина «Евгению. Жизнь Званская» («Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?»), а с другой – рядами многоточий, знаменующих прорыв в свободное творчество-плавание. Психологическое состояние вдохновения описывается Пушкиным пространственной метафорой: в «Осени», по выражению Ю.Н. Чумакова, «пространственные образы могут служить для передачи непространственных представлений» [Чумаков, 1999: 341].

Два пространственных динамичных образа в «Осени» связаны с путешествием, пересечением границ: корабль, отправляющийся в свободное плавание по пространству творчества, и конь, несущийся в «раздолии открытом». Это сухопутное путешествие описано в IX строфе: *«Ведут ко мне коня; в раздолии открытом, / Махая гривую, он всадника несет, / И звонко под его блистающим копытом / Звонит промерзлый дол, и трескается лед...»* [Пушкин, 1950, III: 264].

Все атрибуты, сопутствующие кораблю воображения, свойственны и коню: пространство, которое они пересекают, принципиально открытое и свободное, репрезентирующее совокупность возможностей, выбор «пути». Движение коня и корабля связано с нарушением статичности пространства: копыто коня разбивает замерзшую поверхность, громада корабля «рассекает волны», которые совсем недавно были «недвижной влагой». Всадник и мореплаватель напрямую отождествлены с героем стихотворения. Кроме того, путешествующий

поэт в обоих случаях отдает себя во власть стихийных сил¹. Вдохновение тоже стихийно: душа поэта стеснена вдохновенным волнением, как Нева стиснута берегами и ветром: «*Душа стесняется лирическим волньем, / Трепещет и звучит, и ищет, как во сне, / Излиться наконец свободным проявленьем...*» [Пушкин, 1950, III: 265]. «Стесняется», «трепещет», «звучит», «ищет <...> излиться» – описание вдохновения глаголами, расположенными по нарастанию интенсивности действия, близко фразеологии стихийного буйства. Вдохновение переполняет поэта и разрушает границы между реальностью и воображением, комната наполняется вымышленными образами: «*И тут ко мне идет незримый рой гостей, / Знакомцы давние, плоды мечты моей...*» [Пушкин, 1950, III: 265].

Следующая строфа полна почти стихийной динамикой, подчеркнутой обилием глаголов и эллипсом в третьей строке:

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута – и стихи свободно потекут...
[Пушкин-1950, III, 265]

Линия гидрических глаголов, описывающих вдохновение, продолжается в этой строфе словами «волнуются», «потекут». «Легкость» – атрибут не только рифм, но и самого состояния поэта: навстречу мыслям бегут рифмы, пальцы сами просятся к перу, стихи, наверняка, будут такими же. Описание вдохновения поэта завершается развернутым сравнением с отплывающим кораблем, который сначала окован дремой: «*Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге...*» [Пушкин, 1950, III: 265].

В рукописях Пушкина текст «Осени» сопровождается обилием рисунков, среди них дважды встречается ладья (ПД 838, л. 84 об. и л. 85 об.) [Пушкин-1996, V]. Второе изображение ладьи соседствует на листе с предшествующей образу корабля черновой строфой «*И тут беру перо. Друзья мои поэты...*». В ней узнается стоящий в «недвижной влаге» корабль. Изображение статично: ладья как будто спит в спокойных водах неподалеку от берега. Более того, она кажется заключенной в границах берега и горизонта, линии которых четко волнообразно прочерчены внизу, вверху и впереди. Это, пожалуй, единственный рисунок Пушкина, взятый в своеобразную рамку, обычно изображения поэта свободно соприкасаются друг с другом и со стихотворными строчками, не нарушая при этом пространственной автономии. Само расположение рисунка,

¹ Вспомним, что в «Медном всаднике» разбушевавшаяся Нева уподоблялась коню: «И тяжело Нева дышала, / Как с битвы прибежавший конь». Сила и неистовство животного сближают его со стихией, поэтому конь в «Осени» *несет* всадника-поэта.

занимающего верхнюю часть листа, визуально выделяет статичное изображение. Конечно, рисунки поэта нельзя во всех случаях воспринимать как иллюстрации к создаваемому тексту: изображение и слово связаны тонкими ассоциативными нитями художественного творчества, этому посвящено немало исследований². Однако в этом случае неподвижность ладьи на рисунке, корабля в воображении поэта у «камелёк забытого» разными способами воплощает одно психологическое состояние – умиротворение, даже душевное «замирание» в предвкушении абсолютно противоположного – взрыва динамики, стремительного движения мысли, когда «Пушкин из одного растянутого мгновения предвкушает уникальность другого» [Жолковский-1994, 242]:

Но чу! – матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз – и паруса надулись, ветра
полны;

Громада двинулась и рассекает волны...
[Пушкин-1950, III, 265]

Корабль преображается, становится воплощением динамики. Ему подобно воображение поэта, открывающее неизвестные еще пространства: «Оснатив свой корабль вдохновения, Пушкин написал о неутолимой жажде творчества, о жажде неосвоенного пространства» [Чумаков-1999, 343].

Картины плывущего корабля и сакраментального спуска его на воду отрабатывались Пушкиным в других текстах. Ю.Н. Чумаков отметил, что «ход корабля и его спуск на воду – нередкая тема у Пушкина» [Чумаков-1999, 343]. Полностью ей посвящен отрывок 1833 г.:

Чу, пушки грянули! крылатых кораблей
Покрылась облаком станица боевая,
Корабль вбежал в Неву – и вот среди
зыбей

Качаясь плавает, как лебедь молодая.

Ликует русский флот. Широкая Нева
Без ветра, в ясный день глубоко
взволновалась,

Широкая волна плеснула в острова
[Пушкин-1950, III, 273]

А.Н. Ильин установил, что это стихотворение посвящено спуску на воду 84-пушечного корабля «Владимир» 10 августа 1833 года, при котором Пушкин имел возможность присутствовать [Ильин-1981, 130]. В этой же статье он приводит наблюдение Т.Г. Цявловской о том, что

² См. обзор этих работ: Денисенко, 1996: 583 – 597.

Пушкин трижды в своих текстах упоминает это торжество: в приведенном отрывке, в черновике «Медного всадника» («Люблю, военная столица, / Твоей твердыни дым и гром, / Когда полночная царица / Дарует сына в царский дом <...>/ Или крестит средь Невских вод / Меньшого брата русский флот») и в статье 1834 года «О ничтожестве литературы русской»: «...Наконец явился Петр. Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек» [Ильин-1981, 131]. Наблюдение Т.Г. Цявловской демонстрирует, как в сознании Пушкина конкретное событие становится основой для возникновения обширной «корабельной» метафорики: от непосредственного описания события, через упоминание его в ряду других, к метафоричному осмыслению России как корабля, спущенного на воду. В «Осени», написанной в этом же 1833 году, Пушкин использует эту метафору для изображения поэтического вдохновения. Движение корабля и сопровождающие его звуки передаются в «Осени» и в отрывке 1833 г. с помощью восклицательной частицы: «Но чу! – матросы вдруг...», «Чу, пушки грянули!..». Легкость корабля во втором тексте подчеркнута эпитетом «крылатые» и сравнением его с «лебедью молодой». Такая атрибуция корабля уходит корнями в народную эпическую традицию. А. Афанасьев описал ее: «Быстро-несущееся облако представлялось и ковромъ-самолѣтомъ, и птицею, и окрыленнымъ конемъ, и летучимъ кораблемъ. <...> Русскія сказки рассказываютъ о летучемъ кораблѣ, который подобно птицѣ можетъ носиться по воздушнымъ пространствамъ съ изумительною скоростію» [Афанасьев, 1994: 552-553].

На таком же легком, преобразившемся корабле Пушкин wpłyвает в ряды многоточий последней строфы. Однако в черновиках эта строфа вместо отточий содержала стихи:

Ура!.. куда же плыть?.. какие берега
Теперь мы посетим: Кавказ ли колоссальный,
Иль опаленные Молдавии луга,
Иль скалы дикие Шотландии печальной,
Или Нормандии блестящие снега,
Или Швейцарии ландшафт пирамидальный...
[Пушкин, 1950, III: 475]

Намеченный маршрут путешествия оказался принципиально безводным: несмотря на то, что топосы названы «берегами», он состоит из ритмично сменяющихся друг друга гор и равнин. Поэтому, несмотря на отсутствие явных «птичьих» атрибутов, корабль «Осени» должен быть непременно летучим. Не проводя прямой параллели между рисунками Пушкина и текстом стихов, напомним только, что на обороте 84-го листа (ПД 838) на фоне холмистого пейзажа изображена та же ладья, которая на следующем листе стоит в воде у берега.

С.А. Фомичев заметил по поводу графики Пушкина: «В совокупности с текстом рисунок приобретает особый смысл: он становится слепком творческого воображения. <...> Рисунок Пушкина в его творческих рукописях и возникает на границе сущего и вещего» [Фомичев, 1996: 10]. Очень близки к этой границе сложные росчерки на первом и последнем листах черновика «Осени» (ПД 838, 82 об., 86), они напоминают летящих птиц с изогнутыми шеями или просто расправленные крылья, ассоциативно связываясь с представлением о крылатой ипостаси корабля воображения. Эти свободные росчерки, летящие по стихам и другим рисункам, представляют собой антитезу замкнутой в графических линиях ладье. И само собой напрашивается отождествление их с преобразившимся, пустившимся в плавание-полет кораблем.

Вместо описания полета над горными вершинами или ожидаемого плавания текст заканчивается стремящимся в безграничное пространство многоточием:

Плывет. Куда ж нам плыть?
.....
.....

[Пушкин-1950, III,

265]

Открытость финала «Осени» Ю.Н. Чумаков сравнивает с финалом «Евгения Онегина»: «В один год с написанием «Осени» вышел целиком в свет «Онегин», концовка которого также представляет собой графический эквивалент текста. В обоих произведениях эквивалент замещает как минимум строфу, от которой остался стих или начало стиха: «Итак, я жил тогда в Одессе...», «Плывет. Куда ж нам плыть?..». Предшествующие строфы впрямую или по существу говорят о творческом состоянии, о готовности творить. Эквиваленты «Осени» и «Онегина» отмечают момент возникновения творчества, давая, таким образом, вместо конца новое начало, приоткрывая неведомые перспективы» [Чумаков, 1999: 344]. Композиционное и жанровое сходство двух текстов, описанное исследователем, поддерживается и их мотивной структурой. Часто в авторских отступлениях развитие сюжета, смена планов или ввод нового персонажа маркируется метафорой плавания. Она содержится и в известном завершении первой главы:

Иди же к невским берегам,
Новорожденное творенье,
И заслужи мне славы дань:
Кривые толки, шум и брань!
[Пушкин, 1950, V: 35]

Спуск на воду романа в стихах состоялся как спуск корабля, это событие сопровождается шумом и любопытством публики. Начало «Евгения Онегина» подобно отплытию корабля или началу морского путешествия. Рассмотренные в этом контексте строки из второй главы, XL: «*Быть может, в Лете не потонет / Строфа, слагаемая мной*» [Пушкин, 1950, V: 54], в качестве критерия эстетической оценки поэзии вводят прочность в читательской памяти как устойчивость на воде, «плывучесть» стихов. Развитие сюжета романа осознается автором как движение в пространстве: «*Вперед, вперед, моя история! / Лицо нас новое зовет...*» [Пушкин, 1950, V: 120], как выбор пути: «*Но здесь с победою поздравим / Татьяну милую мою / И в сторону свой путь направим, / Чтоб не забыть, о ком пою...*» [Пушкин, 1950, V: 164]. Наконец, в восьмой главе, прощаясь Онегиным, автор представляет завершение сюжета метафорой конца плавания:

...За ним

Довольно мы путем одним
Бродили по свету. Поздравим
Друг друга с берегом. Ура!
Давно б (не правда ли?) пора!
[Пушкин, 1950, V: 190]

Таким образом, рассеянные по тексту «Онегина» метафоры создания текста как морского путешествия отзываются в «Осени» творческим плаванием. Но если художественное пространство «Осени», соединяющее цикличность и векторность [Непомнящий, 1983: 396], разворачивается как плавание в море еще невоплощенных возможностей, то текст «Евгения Онегина» выступает одновременно и кораблем, совершающим путешествие, и пространством, в котором совершается плавание³.

Мотив плавания-полета воплощен в «Евгении Онегине» еще одним образом – гусем из XLII строфы 4 главы («*На красных лапках гусь тяжелый, / Задумав плыть по лону вод, / Ступает бережно на лед, / Скользит и падает...*») [Пушкин, 1950, V: 93-94]. Подробный анализ этой строфы [Дмитриева, 2008: 49 – 55] показал, что представляющий собой

³ Роман как плавание – эта метафора вполне традиционна, она была обыграна еще Ариостом в «Неистовом Роланде». В последней 46-ой песни поэт рисует завершение своего труда как окончание долгого плавания, прибытие к родным берегам, где его встречают и ему рукоплещут родные и друзья: «Если плователю не лгут чертежи, / То уже недолго мне плыть до пристани, / Чтоб на твердом вознести берегу / Благодарность за морское спасение...» [Ариосто, 1993: 396; пер. М.Л. Гаспарова]. Однако у Пушкина плавание выступает метафорой не только для реализованного сюжета романа, но и для тех потенциальных сюжетов, которые *могли бы* воплотиться. Вероятностные сюжеты образуют пространство «Евгения Онегина», которое Ю.Н. Чумаков назвал эвентуальным: «... это еще не поэтическое пространство, это протопространство, прототекст, пространство возможностей» [Чумаков-1999, 180].

особую персонификацию крылатого вдохновения гусь соотносится с арзамасской травестийной традицией и высоким классицистическим образом лебедя. А его неудачное «путешествие» по замерзшей реке встраивается в ряд поэтических странствий Овидия, Данте и самого Пушкина.

Пародийную конкретику получает мотив плавания-полета в образе водоплавающей птицы, однако со времен принадлежности благородным гусям Арзамаса и на протяжении всего творчества поэтический облик Пушкина утверждался им самим и окружавшими его современниками как осененный легким вдохновением, «окрыленный». Еще в лицейском стихотворении «Моему Аристарху» Пушкин создал образ поэта, на которого вдохновение нисходит внезапно: *«Брожу ль над тихими водами / В дубраве темной и глухой, / Задумаюсь, взмахну руками, / На рифмах вдруг заговорю...»* [Пушкин, 1950, I: 153]. Последние две строки лейтмотивом проходят через биографию Пушкина, написанную А.В. Тырковой-Вильямс, обрисовавшей поэта пишущим легко и внезапно [Тыркова-Вильямс, 2007]. И об этом свидетельствует не только «вдруг», но и характерный жест – «взмахну руками», уподобляющий поэта птице. Знаменитое послание Дельвига «Пушкину» прямым сравнением с лебедем немало поспособствовало формированию такого облика. Сравнение поэта с царственным лебедем, громогласная лира (=голос поэта) и грядущее бессмертие – все черты напоминают созданный Державиным образ. Такое же сравнение лежит в основе посвященного Пушкину стихотворения Набокова «Изгнание»:

Быть может, нежностью и гневом –
как бы широким шумом крыл, –
еще не слыханным напевом
он мир бы ныне огласил...

[Набоков, 1999, I: 637]

Но мотив «окрыленности», как и мотив плавания, уходит в самую ткань пушкинского стиха: эпитет летучий частотен в «Евгении Онегине»: «летучие листки альбома», «летучей славы не ловлю» и др. Пересечение пространств в романе также связано с полетом: *«Теперь мы в сад перелетим, / Где встретилась Татьяна с ним...»* [Пушкин, 1950, V: 80]. В этом перечне крылатых образов еще раз упомянем о сделанных *гусиным* пером каллиграфических росчерках-птицах, пестрящих на страницах рукописей и форзацах альбомов Пушкина.

Таким образом, мотив плавания-полета нагружен в стихах Пушкина семантикой вдохновения, единством легкости движения и свободы выбора пути. А сами путешествия по водной и воздушной стихиям становятся в пушкинской поэзии основной метафорой творчества.

Библиографический список

1. Ариосто, Л. Неистовый Роланд: в 2 т. / Лудовико Ариосто [пер. М.Л. Гаспаров, издание подготовили М.Л. Андреев, Р.М. Горохова, Н.П. Подземская]. – М.: Наука, 1993. – 2 т. (Литературные памятники).
2. Афанасьев, А. Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. Т. 1. / А. Афанасьев [Репринт издания 1865 г., с исправлениями]. – М.: Индрик, 1994 – 800 с.
3. Денисенко, С.В. Рисунки в рукописях Пушкина / С.В. Денисенко // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. – М.: Воскресенье, 1994 – 1996. – Т. 1 – 19. Т. 18 (дополнительный). Рисунки. 1996. – С. 583 – 597.
4. Дмитриева, У.М. «Сей день, замеченный крылатым вдохновеньем...»: мотивы путешествующего творца в поэзии Пушкина // Кормановские чтения: Статьи и материалы Межвуз. науч. конф. К 25-летию памяти проф. О.Б. Кормана (Ижевск, апрель, 2008) / Ред.-сост. Д.И. Черашняя. – Ижевск, 2008. Вып. 7. – С. 49 – 55.
5. Жолковский, А.К. Влюбленно-бледные нарциссы о времени и о себе / А.К. Жолковский // Жолковский А.К. Блуждающие сны и другие работы. – М.: Наука, 1994. – 428 с.
6. Измайлов, Н.В. Осень (отрывок) / Н.В. Измайлов // Стихотворения Пушкина 1820 – 1830 годов. История создания и идейно-художественная проблематика [Отв. ред. Н.В. Измайлов]. – Л.: Наука, 1974. – С. 222 – 254.
7. Ильин, А.Н. К истории создания стихотворения «Чу, пушки грянули...» [Электронный ресурс] / А.Н. Ильин // Временник Пушкинской комиссии, 1978 / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. – С. 130 – 132. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v81/v81-130-.htm>. – Загл. с экрана.
8. Кибальник, С.А. Тема изгнания в поэзии Пушкина / С.А. Кибальник // Пушкин: Исследования и материалы [АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом)]. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1991. – Т. 14. – С. 33 – 50.
9. Лотман, Ю.М. Две «Осени» / Ю.М. Лотман // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа . – М.: Гнозис, 1994. – С.394 – 406.
10. Набоков, В.В. Русский период. Собр. соч.: в 5 т. / В.В. Набоков [сост. Н. Артеменко-Толстой, предисл. А. Долинина]. – СПб.: Симпозиум, 1999. – 5 т.
11. Непомнящий, В.С. Космос Пушкина / В.С. Непомнящий // Непомнящий В.С. Поэзия и судьба. – М., 1983. – С. 320 – 366.
12. Пушкин, А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. / А.С. Пушкин [АН СССР, Ин-т русск. лит. (Пушкин. Дом)]. – М., Л.: изд-во АН СССР, 1950 – 1951. – 10 т.

13. Пушкин, А.С. Рабочие тетради: в 8 т / А.С. Пушкин – СПб., Лондон, 1996. – 8 т.
14. Тыркова-Вильямс, А.В. Жизнь Пушкина: в 2 т. / Ариадна Тыркова-Вильямс. – 6-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2007. – (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1064).
15. Фомичев, С.А. Предисловие [Электронный ресурс] / С.А. Фомичев // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. – М.: Воскресенье, 1994 – 1996. – Т. 1 – 19. Т. 18 (дополнительный). Рисунки. 1996. – С. 9 – 18. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push19/vol18/s18-009.htm>. – Загл. с экрана.
16. Чумаков, Ю.Н. Стихотворная поэтика Пушкина / Ю.Н. Чумаков [рис. Р. Габриадзе]. – СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 1999. – 432 с.